

Дональд Кроуфорд

Михаил и Наталья

**Жизнь и любовь последнего
русского императора**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
К83

К83 **Кроуфорд Д.**
Михаил и Наталья: Жизнь и любовь последнего русского императора / Дональд Кроуфорд – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2013. – 604 с.

ISBN 978-5-518-39749-1

Великий князь Михаил Александрович и его жена Наталья, дважды разведенная дочь московского юриста. Тайно обвенчавшись в 1912 году вопреки воле царя, они были вынуждены за границей до 1914 года, когда им, наконец, было разрешено вернуться в Россию, где Михаил, уйдя на фронт, стал героем войны, а три года спустя, после отречения брата, Николая II, был провозглашен императором Михаилом II.

История любви Михаила и Натальи - самая драматичная любовная история XX века, впервые рассказанная в этой книге, получившей признание читателей по всему миру.

ISBN 978-5-518-39749-1

© Lennex Corp, 2013
© Д. Кроуфорд, 2013

МИХАИЛ И НАТАЛЬЯ

Розмари и Доналд Кроуфорд

МИХАИЛ И НАТАЛЬЯ

ЖИЗНЬ И ЛЮБОВЬ ПОСЛЕДНЕГО
РУССКОГО ИМПЕРАТОРА

При участии и в переводе
Ашхен Микоян

MURRAY MCLELLAN LIMITED ЭДИНБУРГ

УДК 82-3
ББК 84
К 83

Rosemary and Donald Crawford
MICHAEL AND NATASHA
The Life And Love Of The Last Tsar Of Russia
Weidenfeld & Nicholson, Лондон; Scribners, Нью-Йорк (1997)
Michail und Natascha, Piper, Мюнхен (1998)
Miguel y Natasha, Javier Vergara, Мадрид (1999)
Michel et Natacha, Éditions des Sytres, Париж (2000)
Михаил и Наталья, ЗАХАРОВ МОСКВА (2008)

Издание дополненное и переработанное 2013

Кроуфорд, Р., Д.

К83 Михаил и Наталья. Жизнь и любовь последнего русского императора / Розмари и Дональд Кроуфорд; пер. с англ. А. Микоян. – М.: Книга по Требованию, 2013. – 604 с.

ISBN: 978-5-518-39749-1

**УДК 82-3
ББК 84**

© Rosemary and Donald Crawford 1997
© А. Микоян, перевод, 2007
© Lennex Corp., 2013

Murray McLellan Limited
ЭДИНБУРГ

КАЛЕНДАРНЫЕ ДАТЫ

До февраля 1918 года в России официально использовался юлианский календарь, отличавшийся от принятого в других странах григорианского календаря. В XIX веке отставание юлианского календаря от григорианского составляло 12 суток, а в XX веке оно выросло до 13 суток. Так, например, суббота 1 января 1910 года в России соответствовала пятнице 14 января в других странах мира.

Для указания дат в нашей книге повсеместно используется российский, т.е. юлианский календарь. Исключение составляют те случаи, где контекст требует называния даты «по местному времени», как, например, там, где приводятся ссылки на сообщения в лондонских газетах.

Моя дорогая, прекрасная Наташа, нет таких слов, которыми я мог бы поблагодарить тебя за все то, что ты даешь мне. Наше пребывание здесь всегда будет самым ярким воспоминанием моей жизни. Не печалься — с Божьей помощью мы очень скоро встретимся снова. Пожалуйста, всегда верь мне и в мою самую нежную любовь к тебе, моя дорогая, самая дорогая звездочка, которую я никогда, никогда не брошу. Я обнимаю тебя и всю целую... Пожалуйста, поверь мне, я весь твой. Миша.

*Великий князь Михаил Александрович — Наталье Вульферт
(Копенгаген, 13 августа 1909)*

Это такая хитрая и злая бестия, что противно о ней говорить.

*Николай II о Наталье после получения известия о тайном
венчании ее и Михаила (из письма к императрице Марии
Федоровне от 21 ноября 1912)*

Я заглянул в антикварную торговлю Соловьева и стал рассматривать в глубине безлюдного магазина прекрасные французские издания XVIII века. В это время входит стройная дама лет тридцати и садится за столик, на который для нее кладут папку с гравюрами. Она прелестна. Ее туалет свидетельствует о простом, индивидуальном и утонченном вкусе... Выражение лица гордое и чистое, черты прелестны, глаза бархатистые... Малейшее ее движение отдает медленной, волнистой, нежащей грацией...

*Из дневника французского посла Мориса Палеолога
(за 10 февраля 1916)*

Она тебя ненавидит и всячески старается, чтобы твоего имени нигде даже не упоминали.

*Из письма Натальи Михаилу об императрице Александре
Федоровне (от 9 июля 1916 года)*

Его Императорскому Величеству. Петроград.

События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если им огорчил тебя и что не успел предупредить. Останусь навсегда верным и преданным тебе братом. Возвращаюсь в Ставку, откуда через несколько дней надеюсь приехать в Царское Село. Горячо молю Бога помочь тебе и нашей Родине. Твой Ники.

*Телеграмма Николая II брату после отречения
в пользу последнего (3 марта 1917)*

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЖЕНЩИНА, лежавшая в январе 1952 года в одной из переполненных палат благотворительной парижской больницы Лэннек, что на Рю-де-Севр, была для больничного персонала всего лишь еще одной несчастной умирающей пациенткой, и хотя на табличке в ногах ее кровати и было написано «Княгиня Брасова», это мало что значило для ухаживающих за ней медсестер. Многие из пациентов, находивших последнее пристанище в этой больнице, были титулованными и в прошлом богатыми и избалованными жизнью людьми.

Поэтому для молоденьких медсестер эта женщина была просто одной из тех печальных русских *émigrés*, которые были так хорошо знакомы парижанам еще с 1918 года. Когда-то у этих людей были деньги, драгоценности, положение и, что еще существеннее, у них была надежда. Но все это осталось далеко позади — в безвозвратно ушедшем прошлом, — и мир с тех пор стал совсем иным. Для этой женщины никто уже не мог ничего сделать, разве только попытаться притупить мучительную боль, причиняемую раком, который лишил жизни ее лицо и руки еще до того, как он убил жизнь в ее теле. Ее последним адресом значилась убогая мансарда на левом берегу Сены, в доме номер 11 по улице Месье, неподалеку от благотворительной больницы в 7-ом округе Парижа. Когда ее болезнь зашла так далеко, что она уже не могла сама за собой ухаживать, ее квартирная хозяйка, такая же, как она, эмигрантка, попросила ее освободить ту крохотную каморку, которую она занимала, и, если бы не эта больница, ей было бы некуда идти. Ей был семьдесят один год, и она ждала смерти как избавления.

Она умерла в одиночестве и, казалось, всеми забытая, и когда стали оформлять ее свидетельство о смерти, среди

оставшегося после нее жалкого имущества не нашли ничего, что могло бы подтвердить ее претензии на княжеский титул. Единственным документом, попавшим в руки должностных лиц, была выцветшая метрика на русском языке, где умершая значилась просто Натальей Шереметевской, и соответствующий чиновник перенес это имя в свидетельство о смерти, поставил печать и убрал его в положенный ящик.

Но женщина, называвшая себя княгиней, все же полностью забытой не была, ибо известие о смерти княгини Брасовой облетело поредевшие ряды живших в Париже русских эмигрантов, и они сделали все, что могли, чтобы похоронить ее с достоинством, которого не выпало на долю ее смерти. Они похоронили ее в Пасси, рядом с могилой, в которую за двадцать лет до того положили ее сына Георгия, трагически погибшего накануне своего совершеннолетия в автокатастрофе — в спортивной машине, за рулем которой был его сокурсник.

По случайности, ее могила оказалась также поблизости от могилы Мориса Палеолога, человека, который когда-то был французским послом в России и который, как и многие другие знавшие ее мужчины, был в свое время ею очарован. Именно он, Морис Палеолог, увидев ее в первый раз, был так поражен ее обаянием и красотой, что, вернувшись домой, сделал запись в своем дневнике, нарисовав ее портрет: «Она прелестна... Выражение лица гордое и чистое, черты прелестны, глаза бархатистые... Малейшее ее движение отдает медленной, волнистой, нежащей грацией...»

В то время, когда Палеолог писал о ней эти восторженные слова, она, конечно, была не неизвестной больной старухой, а поразительно красивой молодой женщиной, чье имя знали при каждом европейском дворе, хотя отзывались о ней, чаще всего, не самым лестным для нее образом. Дважды разведенная, мать незаконнорожденного сына, получившая запрет на жизнь в императорской России, она была героиней одной из самых удивительных любовных историй XX века и женой последнего российского императора — Михаила II, брата злосчастного царя Николая II.

Часть 1

ЛЮБОВЬ И БРАК

Глава 1

«Этот грешник»

ЖЕНЩИНЫ всегда баловали великого князя Михаила Александровича своим вниманием. Как-то, когда он был еще совсем юным и вместе со всей императорской семьей гостил в Копенгагене, его брата, императора, насмешило, что трио их прелестных кузин — дочерей герцога Камберлендского — не отходило от Михаила, «этого грешника», и что «на прогулках две из них всегда виснут на нем!»¹. И это было неудивительно.

Когда, 22 ноября 1907 года, великому князю Михаилу Александровичу исполнилось двадцать девять, он, казалось, обладал всеми качествами, которых могла только пожелать любая женщина. Высокий, стройный, голубоглазый, он был все еще по-мальчишески хорош собой. Он обладал невероятным обаянием, был исключительно добрым и доброжелательным человеком, любил детей и собак, предпочитал спокойную загородную жизнь придворной суете, не выносил никакой помпезности. Он умел быть очень забавным и обожал всяческие розыгрыши. Он свободно говорил по-французски и по-английски, хорошо играл на рояле, на флейте, на балалайке и на гитаре и даже сочинил несколько музыкальных пьес. Он любил театр, балет и оперу и, в качестве историка-любителя, интересующегося военной историей, написал несколько серьезных статей о войне с Наполеоном, которые были напечатаны в журнале Императорского Российского исторического общества². Будучи командиром кавалерийского эскадрона Синих кирасир — элитного лейб-гвардейского полка, — он был еще и чрезвычайно метким стрелком, искусным фехтовальщиком, блестящим наездником, неоднократно выигрывавшим скачки с препятствиями, и, кроме того, так мастерски боксировал, что один американский тренер по боксу даже как-то посоветовал на то, что Михаил Александрович не может стать профессиональным боксером³. И, наконец, он был одним из богатейших молодых людей в мире.

Большинству хорошо знавших его людей Михаил нравился чрезвычайно. Его шурин, великий князь Александр, женатый на